

«Мой путь – к филологии...»

О Григории Осиповиче Винокуре и его искусстве слова

О. В. НИКИТИН

Кафедра истории русского языка и общего языкознания, Московский государственный
областной университет, ул. Радио, д. 10а, RU-105005 Москва
E-mail: olnikitin@yandex.ru

(Received: 31 December 2016; accepted: 21 March 2017)

Abstract: This paper analyzes G. Vinokur's scientific heritage. The main focus is on the development of his ideas in the field of linguistic construction: from the first attempts at "linguistic technology" speech and the reform of traditional approaches to literature to the establishment of philology as a science. The scientist significantly contributed to sociolinguistics and the ecology of language, style and poetic linguistics, philological criticism and textology. His innovation is remarkable in the study and interpretation of the history and the theory of verbal culture.

Keywords: Russian linguistics, G. Vinokur, philosophy of language, linguistic criticism, sociolinguistics, lexicography

Языковедение говорит человеку о нем самом.
(М. Бреаль)

Личность Григория Осиповича Винокура (1896–1947) – из той эпохи мастеров словесной культуры, которые были носителями и проповедниками подлинных традиций филологии в ее исконном понимании – как искусство речи, «гранесловие», как соприкосновение с художественным символом. И с другой стороны – как способ осмысления мира средствами языка, его звуков и форм, истории и стилистической стихии, где властвуют строгие законы и структура языка является незыблемым остовом четкой системы научных знаний. Именно гуманитаристика рубежа XIX–XX вв. стала прорывной отраслью, в которой уживались классическое образование старой академической школы и эксперименты юных филологов, выносившие их на другое поле словесных баталий, где рождались гениальные идеи, апробировались новые подходы, решались ключевые вопросы молодой лингвистики начала 1900-х и просто царила атмосфера живой мысли. Показательно, что один из руководителей Московского лингвистического кружка А. А. Буслаев на праздновании пятилетия МЛК в 1920 году сказал, что «главная задача Кружка – методологическая революция» [курсив – О. Н.] (Якобсон 1996: 364). И эти 20–30 лет XX в. значат очень много для современной филологии. По сути именно старания «ушаковских мальчиков» осуществили прорыв в новую систему координат науки и дали импульс развитию перспективных направлений филологической мысли.

Г. О. Винокур как ученый воспитывался в очень колоритной среде московской интеллигенции «околофутуристического» движения В. В. Маяковского и «ЛЕФа» и традиционной школы Московского университета с его фортунатовскими идеями. Он участвовал, как сейчас говорят, в новых проектах: Московском лингвистическом кружке, Московской диалектологической комиссии, где как раз молодое поколение исследователей и было той движущей силой филологии, которая осуществляла этот прорыв. А имена многих участников дискуссий тех лет (Б. В. Томашевского, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Н. Ф. Яковлева, Н. И. Жинкина, А. А. Реформатского и др.) стали уже хрестоматийными. Здесь, в почти неформальной домашней атмосфере, многое представляется удивительным: и смелый анализ словесных форм, и движение от поэтики к лингвистике, и споры о роли семантики в науке о языке, и вечная проблема «внутренней формы» Гумбольдта, и доклады об экспедиционной деятельности участников МЛК. Здесь зарождались идеи современной семиотики и структурализма. Это был особый филологический мир, за пределами которого вдребезги разрушенная страна, покалеченные судьбы... И словно не замечая окружающей трагедии, а может быть, и вопреки ей, воодушевленные желанием *созидать*, творить новую историю словесности, они все жили этим эмоциональным филологическим вдохновением. МЛК для многих из них и, конечно же, для Г. О. Винокура стал школой научной жизни и поиска собственного пути и мировоззрения (он был председателем МЛК в 1922–1923 гг.).

Доклады и дебаты неизменно выдвигали тесную связь между языкознанием и литературоведением, продолжая и углубляя в этом отношении традицию московских филологов от Ф. И. Буслаева до Корша, Р. Ф. Брандта и В. Н. Щепкина. Всестороннее исследование поэтики, в частности стихосложения, и соотношение между письменным и устным словесным творчеством входило в основную программу занятий, а от работ по народной словесности пути естественно вели к этнологическим разысканиям большего охвата (Якобсон 1996: 367; см. также Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Рукописный отдел, ф. 20. Московский лингвистический кружок, л. 81).

Г. О. Винокур был одним из самых активных участников этих дебатов. Он выступал в прениях по разным проблемам: изучение пролетарской поэзии; народные анекдоты; сюжетосложение «Идиота» Достоевского; о языках малых народностей и языковой политике; о синтаксических взглядах Корша; о современных народных легендах; о кинематографическом искусстве; о поэтическом языке произведений Хлебникова; об эвфонике сербских двенадцатисложных заплачек (Баранкова 1999: 360 и далее). И это при том, что ученый не раз лично делал доклады на самые актуальные темы, например, произнес вступительное слово при обсуждении книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Среди разнородной палитры идей представителей МЛК Г. О. Винокур выделялся своими четкими взглядами и предпочтениями, которые впоследствии переросли в концептуальные идеи и книги (например,

см. Винокур 1925). Так, Р. О. Якобсон вспоминал, что Г. О. Винокур делал «упор на проблемы языковой культуры» (Якобсон 1996: 368).

И уже тогда его мысли нашли отклик в Европе и обсуждались в Пражском лингвистическом кружке. Один такой эпизод воспроизведен в примечаниях М. И. Шапира к публикации уже цитировавшейся нами статьи Р. О. Якобсона «Московский лингвистический кружок» (из письма Р. О. Якобсона Г. О. Винокуру от 16 февраля 1926 г.):

Если встретишься <sic!> с Яковлевым, он тебе порасскажет о нас, он у нас гостил, и было много интересных лингвистических дебатов [...] 5⁰⁰ дек. в лингвистическом кружке под председательством проф. Вилема Матезиуса (известный англист, не смешивай с тем Матезиусом, кот<орый> в прошлом году приезжал в Москву). <sic!> [cos] молодой славист Илек прочел доклад о твоей книге *Культура языка*. В прениях приняли участие Матезиус, Карцевский, славист Гавранек, теоретик стиха Мукаржовский и я. Матез<иус> отметил большое сходство твоей книги с работой одного американского лингвиста, появившейся в недавно вышедшем первом выпуске американского лингвистического журнала „Langage“ <sic!> и вызвавшей протесты ряда европейских консервативных лингвистов. Далее он сопоставил твою книгу с недавно вышедшей в Осло работой Есперсена на ту же тему и признал за твоей более радикальную и последовательно утилитарную постановку вопросов. Особенно интересна, по мнению Мат<езиуса>, в твоей книге [постановка] характеристика специфических особенностей газетного языка. В этом вопросе участники дебатов сделали ряд дополнений. Я подчеркнул чисто программный <sic!> характер выступлений твоего, Есперсена и др. в вопросе о роли лингвистики в культуре языка. Ничего конкретного и не может быть сказано, потому что накопленный за последние сто лет лингвистикой опыт беспомощен перед этими задачами. Лингвистика последних ста лет практически абсолютно неприложима. Научная мотивировка пуризма блеф. Далее я пытался вскрыть исторические предпосылки и функции пуризма в истории языка. И по этому вопросу разгорелся спор. Карц<евский> говорил о значении патрицийской традиции в ист<ории> литер<атурного> языка, которую ты пытаешься заменить чисто утилитарно-рациональными моментами. Гавранек пытался определить предпосылки развития сокращений, особенно настаивая на их первоначальном – оптическом характере. Так, Гришка, ставишься европейской знаменитостью (Якобсон 1996: 379).

Кстати, Г. О. Винокур в 1928 г. на одном из заседаний Пражского лингвистического кружка сделал доклад на тему: «Лингвистика и филология» (Якобсон 1996: 378).

1920-е гг. – это чрезвычайно интересный и важный этап в становлении исследовательской позиции Г. О. Винокура, так разносторонне одаренного видеть, слышать и понимать слово в тексте и за текстом. Этот период филологического взросления ученого выражен уже в концептуальном понимании кризисных явлений науки XX века и поиске новых методологических подходов к решению задач языкознания. Примечательно, что Г. О. Винокур все время ищет точку опоры современной филологии и находит ее в следующем:

Переживаемый в последнее время научным языкознанием кризис в результате должен *приблизить* языкознание к филологии, для которой слово есть ничто иное, как культура в ее специфическом выражении; это и должно дать лингвистике возможность ставить вопросы языка не только как вопросы культурной истории, но также как вопросы культурного быта. На этой почве возможным становится «прикладное языкознание», которое мыслится мне как своего рода «лингвистическая технология», на основе научного знания решающая практические вопросы социального речевого, так сказать, «поведения» [курсив – О. Н.] (Винокур 1925: 5).

Здесь же, в предисловии к 1-му изданию, он говорит о том, что необходимо «снова поставить в центр нашего культурного внимания вопросы языка и стиля», и рассуждает о возможностях приобщения широких социальных масс к осознанию живого чувства языка. «Нужно ли здесь напоминать, что *только через язык* вообще возможна культура?» (Винокур 1925: 4) – так формулирует проблему Г. О. Винокур.

Эта задача широкого общественного лингвистического воспитания должна быть выполнена. Но как? Вообще говоря, здесь возможны два пути: первый путь – традиционный и обычный – есть путь пуризма. Путь второй есть путь науки. Я предпочел путь второй – не проповеднический, учительски-морализующий, а научный. Мне казалось более правильным показать, *что такое язык* и каково его содержание, нежели петь дифирамбы «прекрасному и свободному русскому языку», продолжать «охранительную традицию» под сенью авторитета русской классической литературы и ужасаться «новых словечек» (Винокур 1925: 4–5).

Поэтому ясно, почему в данной работе «Язык НЭПа» (= быта), «Язык газеты», «Язык типографии» (= прессы) более важны, чем речевая практика футуристов и искусство литературно обработанного слова. Все дело в *новой* «технологии», которую осваивает и применяет Г. О. Винокур. И здесь он выступает как замечательный стилист, тонко чувствующий движение духа эпохи, ее словесных интонаций. В статье, сопровождающей 3-е издание книги, Л. П. Крысин справедливо замечал:

Автор отстаивает важный основополагающий тезис: в языке и в речевом общении все должно быть на своем месте (значительно позднее, в работах последователей Г. О. Винокура, этот тезис был назван принципом коммуникативной целесообразности). Недаром главу «Лингвистика и стилистика» он предпослал в этой книге другим главам, в которых рассматриваются язык быта, язык прессы, особенности использования русского языка в поэтических и прозаических текстах. Постулат о стилистической уместности языковой единицы позволяет рассматривать язык не в виде набора застывших и раз и навсегда данных правил, а в виде динамической, коммуникативно организованной структуры, которая чутко реагирует как на закономерности своего внутреннего развития, так и на внешние, в том числе социальные, факторы, влияющие на языковую эволюцию и на формы использования языка в разнообразных условиях речевого общения (Крысин 2006: 4–5).

О Г. О. Винокуре почти не говорят как о компаративисте и редко – как о философе языка, ср.: «Винокур даже на родине до самого последнего времени расценивается прежде всего как *русист*. [...] Общелингвистическая его концепция, значение его работ для общего языкознания и сегодня еще только подлежат выявлению и осознанию» (Гиндин 1996: 60). Заметим, однако, что почти вся творческая деятельность Московского лингвистического кружка, в котором пестовался талант ученого, была направлена на сравнительное изучение языков и литератур, на осмысление и реализацию идей Ф. де Соссюра. А ранние рецензии Г. О. Винокура на важные научные события его времени как раз свидетельствуют о том, что интеръязыковая и интеркультурная проблематика была для него привычным ремеслом (см., например, Винокур 1921a, Винокур 1921b, Винокур 1923a, Винокур 1923b, Винокур 1923c).

Действительно, работ, посвященных конкретно сравнительно-историческому языкознанию, у Г. О. Винокура немного, и они по большей части были изданы значительно позднее времени их написания. Это статьи «О возможности всеобщей грамматики» (рукопись 1927 г., опубликована в 1988 г.) и «Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике» (середина 1940-х гг., опубликована в 1957 г.).

В первой из них ученый обсуждает философско-лингвистические идеи Э. Гуссерля, А. Марти, Г. Г. Шпета, чьи подходы к изучению общего языкознания были в какой-то мере созвучны мыслям Г. О. Винокура, стремившегося к «объединению проблем общей лингвистики и поэтики» (Иванов 1988: 70). Автор анализирует содержание термина, его включенность в семасиологию и «дескриптивную психологию языка» и в ходе дискуссии со своими оппонентами высказывает интересные суждения. Вот одно из них:

В наше время всякое почти «введение в языковедение» начинается с того, что пробует отыскать отличительные признаки «языка слов» среди всех прочих мыслимых «языков». Усилия эти естественно направлены на то, чтобы обнаружить особый и специфический характер отношения между словесным знаком и его содержанием. Далеко не всегда, однако, принимается при этом в расчет, что специфичность этого отношения можно понять только тогда и только после того, как отысканы специфические моменты во внутреннем строении *самого словесного знака*. Для того чтобы уразуметь, чем отличается словесное выражение от многообразных иных отношений между «обозначающим» и «обозначаемым», как, например, отношений симптома, сигнализации, эмблемы, этикетки и т. п. и т. п., нужно, следовательно, прежде всего знать, что сам словесный знак в свою очередь есть не что иное, как *отношение*, притом отношение непременно *структурное* (Винокур 1988: 80–81).

Главное противоречие идеи всеобщей грамматики заключается, по Г. О. Винокуру, в том, что «все то в языке, к чему можно было бы применить характеристику „неизменного внутреннего“ при „подвижном внешнем“, неизбежно оказывается за пределами самого языка как *sui generis* исторической вещи, т. е. за пределами грамматики» (Винокур 1988: 85).

Статья завершается размышлениями Г. О. Винокура о необходимости «различать всеобщую грамматику *gesp.* поэтику и *теорию языка* *gesp.* поэзию». Ученый полагал, что их надо связывать

с соответствующими проблемами *философии* – философии языка и философии поэзии. Пусть действительно у разных языков и у разных социальных единиц разный синтаксис; пусть у каждой поэтической школы и у каждого литературного законодателя своя поэтика. Однако в педагогических и так сказать научно-ориентировочных целях не только полезно, но и необходимо бывает взглянуть на сами эти несовпадения в одной картине *сразу*, чтобы освежить свою память наблюдением над тем, что вообще *возможно* и какие частные *формы* встречаются в соответствующих областях (Винокур 1988: 89–90).

Кроме указанных имен, в статье фигурируют также и крупнейшие индоевропейцы Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Поржезинский, А. А. Потебня, литературовед А. Н. Веселовский, философ и историк Б. Кроче, француз Ш. Балли, чьи мысли об «общевропейской стилистике» импонировали Г. О. Винокуру, шведский лингвист А. Норин и др.

Пожалуй, из всего наследия Г. О. Винокура эта работа – самая философская. Она показывает ученого как знатока европейской лингвистической и культурно-исторической традиции, как мыслителя, вхожего в системное освоение генеалогии механизмов всеобщей грамматики слова – от Аристотеля до типологии и структурализма. В. П. Григорьев справедливо назвал данную статью «интерлингвистической компонентой филологического мировоззрения» Г. О. Винокура, выразив самую суть его компаративистской методологии, в основе которой лежала борьба за новое направление в науке – лингвистическую поэтику (Григорьев 1991: 6).

Во второй статье ученый анализирует полемику американского дескриптивиста Л. Блумфильда с представителем «менталистского» направления Л. Шпицером, касающуюся философских основ лингвистического мировоззрения и в целом подходов к анализу языковых явлений. Г. О. Винокур стоит на твердых научных постулатах, далеких от «языковедческого фольклора», и в оценке взглядов ученых прямо говорит:

Но язык – это не только грамматика, не только структура: ведь реально он дан нам только в живых актах чувственно воспринимаемой речи. Рядом с «анатомией» языка существует его «физиология». Потому-то и нельзя изучать язык вне общества, вне различных форм общественного и индивидуального сознания, вне человеческих чувств (Винокур 1957: 67).

Г. О. Винокур выступил также против позиции Л. Шпицера о значимости той или иной сторон языка для науки. В пересказе ученого это звучало так: «лексика „важнее“ фонетики, синтаксис „важнее“ морфологии». Г. О. Винокур недвусмысленно заявил:

Нет языка без звуков речи, но звуки речи в языке, действительно, непременно что-то означают, т. е. различают слова и морфемы. Фонетика, которая игнори-

рует эту функцию звуков речи, т. е. фонетика «механическая», есть поэтому абсурд. Но Шпицер, очевидно, думает иначе, судя по его выпаду против «фонологической моды». Ему, по-видимому, очень бы хотелось, чтобы язык состоял из чего-либо совершенно эфемерного, воздушного, спиритуалистического, представлял собой своеобразное средство телепатии. Но в действительности дело стоит иначе (Винокур 1957: 68).

Г. О. Винокур в своем анализе идей Л. Шпицера высказал немало ценных общелингвистических идей: о вторичных и третичных реакциях на язык, о методах психологии и языкознания, о расширении границ научных исследований и т. д. Так, например, Г. О. Винокур писал: «...подлинная лингвистика не „объясняет“, а анализирует язык просто потому, что она и не в силах сама что-нибудь действительно объяснить в языке» (Винокур 1957: 68). И далее:

Я готов идти дальше и утверждать, что изучение самого по себе языка вообще не может открыть нам, что именно в нем выражено. Это нам открывается только историей, социальным опытом, обычаями и т. п. той среды, язык которой изучается. Поэтому лингвисту все это должно быть дано заранее, в качестве результатов опыта, долженствующего быть названным филологическим в точном смысле слова (Винокур 1957: 68–69).

«Антименталистов» в лице Л. Блумфильда Г. О. Винокур предостерегал от попыток «объяснять язык из самого языка», от использования принципов «механистической философии, игнорирующей специфичность социального предмета» (Винокур 1957: 69).

Примечательно, что данная работа Г. О. Винокура была опубликована в период «оттепели» в советском языкознании, когда подобные отклики на публикации западных ученых были допустимы и демонстрировали иной подход к лингвистической методологии в годы дискуссий о структуральной лингвистике, которая развернулась на страницах «Вопросов языкознания».

В представленных статьях поражает и то, как Г. О. Винокур свободно полемизирует с учеными, сходу включается в дискуссию, настойчиво, смело и порой бескомпромиссно отстаивает свою позицию грамотной логикой блестящего интеллектуала, соперничающего с лучшими философами и лингвистами, и в то же время очень деликатно обсуждает концептуальные проблемы научного познания, признает достижения своих оппонентов.

Здесь уместны слова С. И. Ожегова, который так сказал об исследовательском таланте Г. О. Винокура: «В нем прекрасно сочеталось живое чувство современности, чувство нового с творческим продолжением прогрессивных направлений русской дореволюционной науки... [Он] одинаково свободно себя чувствовал и в сфере языкознания, и в сфере литературоведения, и в сфере истории» (Ожегов 2001: 460). В этом, наверное, и заключается секрет научного мастерства ученого, для которого не существовало культурных и идеологических границ. Он ощущал себя в равной мере таким же европейцем или американцем в научном мышлении и всегда жил с пониманием

независимости идей от внешних проявлений и духовной ценности исторического опыта в филологии.

Это почти все, что Г. О. Винокур написал по компаративистике. Между тем, если вчитаться даже в известные его книги и статьи, можно найти немало примеров общелингвистического «брожения» идей. Г. О. Винокуру как будто тесно в пределах только одной языковедческой традиции. Его влекли более широкие, культурно значимые события, где подлинное искусство слова с его тонкой «винокуровской» полемической интонацией перерастало «в проблемы искусствознания» (Винокур 1959: 104). Отчасти поэтому компаративистские идеи Г. О. Винокура именно в области языкознания не получили развития и не вылились в более объемные труды. Этому могла воспрепятствовать идеологическая и научная атмосфера 1920–1930-х гг., когда были практически невозможны исследования в русле традиционного фортунатовского сравнительно-исторического языкознания, а ссылки на современных западноевропейских и американских лингвистов воспринимались неоднозначно. Да и сам Г. О. Винокур был поглощен новыми замыслами: работой над «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и изучением творчества А. С. Пушкина. Но все же отмеченные факты отчетливо свидетельствуют, что Г. О. Винокур был талантливым ученым-компаративистом весьма широкого научного диапазона.

Г. О. Винокур отдал много сил лексикографической теории и практике, которая для него была в первую очередь работой с текстом, с семантикой и стилистической огранкой художественного и бытового слова в культурном пространстве эпохи. Поддавшись уговорам своего учителя Д. Н. Ушакова и, может быть, только ради него он стал работать над большим проектом составления первого нормативного словаря советского времени, который впоследствии назовут «Ушаковским». Среди соратников Г. О. Винокура по лексикографическому цеху были яркие, талантливые ученые его поколения: В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский. Работа над Словарем шла неровно, с перерывами, во многом из-за внутренних разногласий и нажима «сверху». К тому же приходилось координировать действия московской и ленинградской групп. О сложностях этого дела С. И. Ожегов писал Г. О. Винокуру 22 июня 1933 г.:

С тех пор<,> как Вы и Викт<ор> Влад<имирович> [Виноградов] были у нас в Ленинграде, прекратились всякие известия о Словаре. После радужных надежд – полный мрак. Что теперь у Вас делается? Продолжается ли то движение, о к<ото>ром Вы возвестили нам? Или давно оно уже выдохлось? [...]

Бор<ис> Викт<орович> совсем забыл Словарь, а от Б. А. [Ларина] никак не добиться материалов. Напишите также, сделал ли что-нибудь Д. Н. [Ушаков] по вопросу о пайке для ленинградцев (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. № 319, л. 3 и далее).

Накануне выхода в свет первого тома Словаря С. И. Ожегов сообщал Г. О. Винокуру:

Дал мне Б. А. [Ларин] верстки первого тома. Много еще там опечаток и очень досадных. Они<, > вероятно<, > выправлены, но вот иногда содержание иногда [такой повтор в ркп. – О. Н.] приводит в уныние. Самое неприятное – это определения, сформулированные в наивных тонах. Не часто, но попадаются такие. В иных случаях даны в чрезвычайно выпяченном штиле (напр<имер><, > неко-т<орые> значения в «день»); сразу даже не доходит. Затем попадаются слова, разделенные на оттенки, но они сформулированы так, что различия никакого не видно. Утешаться надо тем, что свежие люди не так-то скоро доберутся до того, что видно нам. Для второго изд<ания>, если будет такое, придется серьезно поработать над выправлением. [...] Как Вы пишете, положение со 2-м т<омом> серьезное. Надо было бы подумать, пожалуй, о какой-н<ибудь> реорганизации процесса подготовки, о привлечении л<енинга>дцев, но в действительно реальных формах. Я имею в виду разгрузку в нек<отором> отношении Д. Н. [Ушакова]. Когда приедете, надо подробно поговорить об этом, чтобы выход 2-го тома не стал мифом (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. № 319, лл. 6–6 об.).

После ареста и ссылки в 1934 г. В. В. Виноградова дальнейшая работа над Словарем была приостановлена: выпущенный в 1934 г. первый том был фактически уничтожен цензурой и заклеен дискуссией конца 1935 года, спровоцированной публикацией статьи противников Словаря «Игруны» (см. КАЗИМИРСКИЙ–АПТЕКАРЬ 1935: 4). Отголоски событий того времени содержатся в воспоминаниях участников обсуждения Словаря, которые находились буквально под прицелом марристов. В письме Б. А. Ларина Д. Н. Ушакову 5 января 1936 г. так говорилось об итогах заседания Института языка и мышления в Ленинграде 23 декабря 1935 г.:

Победителями нас никак назвать нельзя, хотя противник и был сильно побит и обесчещен. В кругах наиболее культурных наша защита Толкового Словаря признана блестящей и по организованности<, > и по форме<, > и по содержанию, но средний и запуганный слушатель ушел под впечатлением «острых и неопровержимых» политических обвинений, под впечатлением длинного ряда высказываний об антисоветскости и буржуазном тоне и содержании Т<олкового> Сл<оваря>. Не знаю, удастся ли Апт<екарю> напечатать свою длиннейшую рецензию, повредит ли он Вам и Винокуру, добьется ли он отстранения от этого дела старой редакции (Архив РАН, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. № 136, л. 16 и далее).

В обновленном виде I том издан снова в 1935 г. (об этом подробнее см. Никитин 2006, Никитин 2012, Никитин 2016). После нескольких лет перерыва наконец-то выходят II, III и IV тома Словаря, и все было завершено в 1940 г. Это был уникальный опыт создания нового тезауруса, основанного на принципах нормативности, стилистической и орфографической грамотности. В условиях жесткого противостояния марризму и политической конъюнктуре того времени составители Словаря мужественно отстаивали подлинные научные ценности и стремились сохранить лучшие традиции лексикографической работы с текстом. Немалая заслуга в этом деле была и Г. О. Винокура, которого его многолетний оппонент В. В. Виноградов (об обстоятельствах их разрыва см. Никитин 1997a, Никитин 1997b) еще в 1930 г. назвал

«неутомимо деятельным и тонким словароспесом» (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. № 270).

Когда работа над Словарем уже закончилась, Г. О. Винокур вспоминал с теплотой годы общения с Д. Н. Ушаковым:

Как живой свидетель этой последней работы Дмитрия Николаевича, с которым я проводил не одну бессонную ночь над толкованием отдельных слов, я хотел бы сказать, что эти бессонные ночи для меня совершенно неповторимы и незабываемы, потому что иногда по самому мелкому поводу возникали многочасовые беседы, уводившие нас очень далеко от прямого предмета наших обязательных в то время занятий, с далекими экскурсами в историю языка и в отдельные стороны общего языкознания (из выступления Г. О. Винокура на совместном заседании филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Института языка и письменности АН СССР 23 июня 1942 года, посвященном памяти Д. Н. Ушакова; цит. по Памяти 1992: 68).

О «пушкинистике» Г. О. Винокура (кстати, он не любил этого термина) уже написано немало работ. Это – особая, едва ли не самая излюбленная им сфера филологических раздумий. Здесь талант ученого выразился с большой силой, вдохновением, начиная с его классических комментариев к «Борису Годунову» и «Евгению Онегину» А. С. Пушкина, литературно-критических и лингвистических статей и завершая «Проектом Словаря языка Пушкина» (Москва–Ленинград, 1949) – этого уникального лексикографического события в культурной жизни России, у истоков разработки концепции которого стоял Г. О. Винокур (Виноградов 1956–1961).

Казалось бы, в пушкинистике того времени, переживавшей творческий подъем, где блистали такие имена, как М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, В. В. Виноградов и др., сказать новое слово об А. С. Пушкине, выделиться в потоке многочисленных изданий и статей совсем непросто. Но Г. О. Винокур и здесь руководствуется своим специфически-филологическим чутьем. Он обладал мастерством понимания и интерпретации текста, вхождения в культурные традиции пушкинской эпохи, с каким-то особым интеллектуальным талантом критика поднимал острые проблемы изучения и издания А. С. Пушкина и тем самым показывал направление и содержание дальнейшей филологической работы над текстом.

Думается, не случайно ученый взялся за изучение такого произведения А. С. Пушкина, как «Борис Годунов». Здесь критическая одаренность Г. О. Винокура проявилась в полной мере. Его комментарии (впервые опубликовано: Пушкин 1935) – это целая энциклопедия научной мысли со строгими филологическими принципами, четким структурированием, погруженностью в философию, историю, биографию и текстологию эпохи с такой глубиной и проницательностью, что облик великого поэта, в чем-то уже статичный, с лоском традиционности, воспринимается совсем по-иному.

При изучении наследия А. С. Пушкина Г. О. Винокур решает сложные филологические задачи, не получившие однозначного понимания в то время.

Одна из них – языковая и стилистическая полифония текстов А. С. Пушкина, выразившаяся в создании такого шедевра, как «Борис Годунов». По сути дела Г. О. Винокур верно называл поэта преобразователем драматического языка, виртуозным мастером словесной орнаментики и невольно полемизировал с В. В. Виноградовым.

Пушкин был чужд пониманию слога как какого-то отвлеченного начала, действующего в качестве независимого и непреерекаемого закона. Вообще деление языка на какие бы то ни было «слоги» в духе замкнутых, жестких жанровых категорий есть нечто совершенно несовместимое с тем, что дал Пушкин русскому литературному языку (Винокур 1999а: 360).

Мнение ученого о филологическом таланте А. С. Пушкина, как мы полагаем, тоньше и глубже многих хрестоматийных фраз, пусть и вошедших в классическое сознание пушкинистики. Великий поэт для него не статичен, его невозможно притянуть к какой-то традиции, уложить в рамки единого направления, сделать адептом карамзинской теории. Г. О. Винокур очень осторожен в оценке языковой «квалификации» А. С. Пушкина и никогда при этом не теряет филологической зоркости и понимания уникальности исторического момента. Следующие слова ученого о поэте нам кажутся образцом филологической критики, подлинным искусством осмысления текста:

Язык «Бориса Годунова» представляется своего рода лабораторией, в которой изящество, страстность, сладкогласие и простота языка пушкинской лирики [...] вступают в прочное соединение с элементами книжно-поэтического языка XVIII века, переосмысленными под углом зрения национально-исторического, «летописного» языкового мышления (Винокур 1999а: 374).

Нелицемерную позицию в пушкинистике Г. О. Винокур отстаивал всю сознательную жизнь. Для него «поэт-творец» и «человек» – нераздельные ипостаси одного «божества» – Пушкина. Исследованию его творчества он посвятил свою докторскую диссертацию «Очерки текстологии и языка Пушкина» (1942). В ней принципы канонического филолога были воплощены с особой тщательностью. С. О. Шмидт очень хорошо подметил эту черту научной манеры Г. О. Винокура, который

смотрит на себя «не как на историка литературы» и «не как на лингвиста», а прежде всего «как на филолога в специфическом понимании этого термина». И далее указывает, что «самый дух филологии как совокупности наук, исследующих историю культуры в ее словесных воплощениях, стал совсем редким гостем в научно-исследовательской практике гуманитарных наук современности» (подробнее см. РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. № 64, лл. 2–3; цит. по Шмидт 1999: 17).

Г. О. Винокур живо интересовался проблемами истории русского литературного языка и первый в нашей традиции выстраивал данный курс как историю изучения текстов, то есть стилей в его представлении. Этот опыт

вырисовывался у него не только из личной симпатии к художественному и бытовому слову, но и из большого опыта занятий со старинными фолиантами. Классическую традицию, идущую от его учителей по Московскому университету Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, В. Н. Щепкина, он неизменно практиковал на своих занятиях, когда учил студентов искусству *чтения* текста – распознаванию его фонетических, грамматических и стилистических «фигур», из которых создается оригинальное словесное полотно. Именно с этого и начинались у него занятия по истории литературного языка.

Ключевая работа Г. О. Винокура в этом отношении – «Русский язык. Исторический очерк» (1945), «книга для чтения», как ее называл сам автор. При внешнем традиционном построении (от глав о происхождении русского литературного языка до его развития в конце XIX–XX вв.) здесь немало нового и оригинального. Так, отдельная глава посвящена славянским языкам, писать о которых стало возможным в годы Великой Отечественной войны (именно тогда создавалась книга). Автор использовал такие «буржуазные» и «устаревшие» термины, как *индоевропейский язык*, *древнецерковнославянский язык*, *п्राязык*, *сравнительно-историческое изучение языков* и другие, отвергнутые марристами понятия. Г. О. Винокур подчеркивал в духе дореволюционной школы компаративистики, что «факт генетической связи индоевропейских языков по группам и внутри групп остается вполне доказанным и несомненным» (Винокур 1959: 13). «Непопулярная» в 1930-х гг. диалектология, фактически свернувшая с прежних позиций в сторону социологизаторства, получила объективное освещение в главе «Русские диалекты», которые «представляют собой ту или иную форму взаимодействия между общим литературным языком и местными говорами деревни» (Винокур 1959: 18). Автор подробно описывал фонетические, грамматические и лексические особенности севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров, говорил об их происхождении по концепции академика А. А. Шахматова, которого назвал «гениальным русским ученым» (Винокур 1959: 21).

Кстати, кроме Шахматова, в книге Г. О. Винокура встречаются имена и других опальных лингвистов – академика А. И. Соболевского, члена-корреспондента АН СССР А. М. Селищева, идеи которых не вписывались в официальное «новое учение о языке» и часто дискредитировались его апологетами, а также антимарриста индоевропеиста А. Мейе, что свидетельствует о твердости научной позиции Винокура в отстаивании своей концепции.

Другая глава посвящена памятникам истории русского языка, среди которых многие источники древнего периода представляли собой произведения богослужебной или связанной с церковной культурой литературы. В своем обзоре текстов Г. О. Винокур давал не только общую характеристику рукописей (как они выглядят, каким почерком написаны), но и рассуждал о содержательной стороне текстов, выделял в их структуре элементы живой речи, писал о том, что «унифицированная норма церковнославянской грамотности» в памятниках древнерусского периода «затрудняет построение русской исторической диалектологии...» (Винокур 1959: 35).

В книге обсуждалась также и новая в то время концепция происхождения русского литературного языка академика С. П. Обнорского, который полагал, вопреки традиционному взгляду о ведущей роли старославянского языка в допетровское время, что в древний период функционировал русский литературный язык на народной основе. Г. О. Винокур не разделял полностью указанные точки зрения, подчеркивал значительную роль «обиходного начала» в эпоху Московской Руси, утверждал о существовании разных форм устной и письменной речи, то есть «фактически говорит о явлении, называемом в современной лингвистике диглоссией» (Алпатов 2006: VI), что исключительно важно для понимания дальнейшего развития этой науки.

Во всем очерке минимум ссылок на источники и научную литературу, но книгу нельзя воспринимать как своего рода популяризаторство. За внешней «простотой» скрываются глубокие размышления ученого о развитии русского литературного языка. Особенно ему удались главы, посвященные XVIII веку – тот материал, который он профессионально знал, изучал и любил. Впервые так подробно и доступно Г. О. Винокур описывал, в частности, «новый русский книжный язык», говорил об «эмансипации культуры от церкви», «об обновлении и обогащении русской специальной и бытовой терминологии», выделял так называемую приказную традицию и отмечал ее роль в формировании книжно-письменного языка, анализировал особенности деловой речи и ее трансформацию в «гражданское посредственное наречие» в XVIII столетии, привлекал новые интересные источники для характеристики культурно-языкового портрета эпохи. Живо и содержательно Г. О. Винокур рассказывал о специфике языка повествовательной литературы XVIII века, о роли В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова в становлении новой традиции литературного языка, которая разрабатывалась ученым с позиции «*стилистического применения* наличных средств языка» (Винокур 1959: 133).

Особое место в главе «Создание общенациональной нормы» отведено А. С. Пушкину, который, по мысли Г. О. Винокура, «был не столько реформатор, сколько *великий освободитель* русской речи от множества сковывавших ее условностей» (Винокур 1959: 98). Ученый одним из первых в отечественной филологической традиции стал изучать язык *прозаических* произведений поэта. Сравнивая писательские манеры Карамзина («Рыцарь нашего времени») и Пушкина («Дубровский»), Г. О. Винокур отдает предпочтение второму автору и возносит его на подобающий пьедестал русского волшебного слова:

Простота, естественность, чувство меры и полной внутренней свободы в подборе языковых средств характеризуют художественную речь Пушкина как со стороны ее словарного состава, так и в отношении композиционного построения. Изящно отделанный, но нередко кудрявый и растянутый синтаксис Карамзина под пером Пушкина сменился энергичным и точным лаконизмом, сжатой деловитостью изложения (Винокур 1959: 98–99).

По словам самого Г. О. Винокура, его интересовала история «художественного употребления русского языка» [курсив – О. Н.] (Винокур 1959: 104). Именно этот аспект он выделил в своей работе как основной при описании развития литературного языка XVIII–XX вв.

Книга получила большую известность за рубежом в прежние годы и стала своего рода визитной карточкой «советской» историко-лингвистической школы. Ее издавали четырежды: в 1947 г. в Париже в Институте славянских исследований появился перевод на французский язык, в 1949 и 1955 гг. – дважды в Лейпциге на немецком языке, и в Кембридже в 1971 г. в переводе на английский язык.

Безусловно, и здесь в такой, казалось бы, «студенческой» книжке, ярко выразилась творческая индивидуальность Г. О. Винокура с его стремлением проникнуть в историко-культурную канву эпохи, почувствовать ее дыхание, угадать тонкости символических перевоплощений в языке, понять замысел текста и его автора в концептосфере событий и лиц противоречивой истории русского литературного языка.

* * *

В конце XX века имя Г. О. Винокура вновь стало популярным. И это не удивительно: новая эпоха требовала пересмотра позиций так называемых советских ученых. А Г. О. Винокура к такой когорте причислить никак нельзя. И по своим работам, и по человеческому облику, и по тому грандиозному культурному фундаменту, на котором он взращивался, его можно отнести к классическому поколению филологов XIX века (подробнее о биографии и научном наследии Г. О. Винокура см. Бархударов 1959, Булахов 1977, Григорьев 1991, Цейтлин 1965, Цейтлин 1999, Винокур 1990: 256 и далее). Но все же он ученый не только XX столетия, но и XXI.

В чем же заключается притягательная сила его филологических трудов?

Во-первых, их просто интересно читать, ведь они написаны действительно мастером слова, который без обилия принятых ныне ссылок и цитат глубоко, доказательно и стилистически безукоризненно провозглашал ценные для науки лингвистические и литературоведческие постулаты. Многие его мысли и сейчас звучат живо и актуально. Давайте прислушаемся к его голосу:

Построение критического анализа есть построение вглубь и вширь: глубокое проникновение в структуру слова и его содержание, широкий охват возможных смысловых контекстов – вот те условия, вне выполнения которых критика есть не критика, а ребяческая забава – «буквоедство» (Винокур 1927: 43–44).

Еще пример:

Для филолога нет неприкосновенных канонов, пока он своими глазами не убедился в том, что они действительно неприкосновенны (Винокур 1927: 45).

Или вот такие филологические афоризмы Г. О. Винокура:

Механический подход к своей задаче и есть основной грех филологической критики, до крайности распространенный среди русских филологов... (Винокур 1927: 45).

Идея конкретной филологии как интерпретации и критики выражения – вот оружие против «романтического своеволия и скептического субъективизма»: таково верное заключение Дильтея (Винокур 1927: 132).

Во-вторых, Г. О. Винокур откликался особенно в ранний период творчества на самые свежие и порой противоречивые идеи нового филологического строительства, смело и без идеологической подоплеки высказывал свои мысли и был одним из самых образованных филологов того времени. Его энциклопедизму можно только поражаться: от многочисленных статей и дискуссий по поэтическому слову, работ на модные в начале XX века этнологические и формалистические темы до вопросов языковой политики, лексикографии, словообразования, истории языка... Все это, безусловно, вошло в копилку филологии и оказало влияние на формирование школ и направлений отечественной науки.

В-третьих, Г. О. Винокур почти никогда не занимался только академической работой. Вся его деятельность была связана с *просвещением* в том высоком смысле слова, какой он впитал с традициями своих учителей. Он был пропагандистом и популяризатором науки. И эта практическая направленность многих его работ, их обращенность к живому человеку, к поиску нового всегда присутствует в словесной ткани всех его произведений. Н. М. Шанский, один из последних учеников Г. О. Винокура, очень точно выделил это качество личности своего учителя:

Г. О. Винокур не мыслил себя лингвистом вне общественной практики. «Элитарная» лингвистика априорных построений и дремучего метаязыка не привлекала его никогда. Он всю жизнь исходил из того, что даже самые сложные и фундаментальные вопросы лингвистической стратегии должны излагаться настолько возможно просто и обязательно иметь выход в языковую практику и повседневную жизнь (Шанский 2010: 4).

В-четвертых, Г. О. Винокур – видный теоретик языка и в целом филологии, и его методологические принципы оказались действенными в разработках российских ученых более позднего времени и вполне конкурентоспособными с лучшими образцами западной лингвистической мысли, и прежде всего – его идеи в области социолингвистики и экологии языка, стилистики и эстетики слова, стиховедения и «поэтического языкознания», филологической критики и текстологии.

В-пятых, Г. О. Винокур своими трудами разрабатывал *новую* систему филологии как науки, формулировал те ее опорные моменты, которые вывели эту дисциплину из лона устаревшего противостояния двух подходов

в изучении языка в совсем другую плоскость осмысления словесности. И многие его мысли только сейчас начинают пониматься и интерпретироваться, когда вновь начал ощущаться филологический голод идей.

Сегодня мы вспоминаем Г. О. Винокура как «будетлянина» филологической науки – ее самобытного творца и идеолога, реформатора словесности, обращенной к будущему, а значит, постигающей себя в новых «технологиях», но остающейся верной традиционной системе ценностей. Без нее немыслима отечественная наука настоящего. Без нее невозможна и наука будущего. С этими исканиями жил Г. О. Винокур и постоянно думал о филологии как о нечто большем, чем просто история культуры в ее словесном выражении. Этот путь – к филологии – он прошел самостоятельно, не без скитаний и столкновений, и мечтал создать свое «Введение в изучение филологических наук» (Винокур 1978), в котором истолкование текста будет главным связующим звеном между филологией как изучением языка и вообще процессом понимания слова и филологией как историей национальной культуры. «Лебединая песня» Г. О. Винокура не была спета до конца: он успел подготовить к печати несколько разделов будущей книги, а последний, посвященный филологическому чтению русских текстов (от летописей до художественной литературы XIX в.), так и остался не написанным (Винокур–Цейтлин 1981: 3). Но даже неоконченный замысел говорит о том, к какой вершине стремился ученый и как была важна для него идея изучения текста как элемента культуры, где «действительность постигается через расшифровку смысла... чувственных примет, через их *понимание*» (Винокур 1978: 36). Заканчивается работа Г. О. Винокура параграфом, где автор рассуждал о трех циклах филологических наук. К ним он относил: «науки, изучающие материал, который воплощен как в языковой форме, так и в вещах»; «науки, имеющие дело с материалом, воплощенном только в формах языка»; «науки, изучающие только такой материал, который уже сам и по себе есть язык в том или ином его качестве» (Винокур 1978: 57). А в широком ключе, по мнению Г. О. Винокура, к таким наукам следует отнести те, что нуждаются «в применении филологического искусства» (Винокур 1978: 55).

В довоенные годы Г. О. Винокур работал в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), где преподавал весь цвет тогдашней филологии. Однажды студенты обратились к нему с просьбой написать заметку для ифлийской стенгазеты. Так родились «воспоминания моей юности» – наверное, самый тонкий, живой, искренний, какой-то совсем интимный дневник, где наружу выступает его неподдельный человеческий облик. Они заканчиваются таким откровением:

Я предан науке всем своим существом, но это потому, что я полон горячей веры в себя и в свое дело. Я твердо знаю, что моя страсть к науке это не «пленной мысли раздраженье», а действительное призвание. Я знаю, что я действительно ученый, настоящий ученый. Пусть «мой дар убог, и голос мой негромок», но моя Муза, я это знаю, обладает и «лица всеобщим выраженьем» и «достоинством обдуманых речей» (Винокур 1999b: 465).

Чем привлекал к себе Г. О. Винокур как личность? На этот вопрос очень хорошо ответил С. И. Ожегов:

Человеческим отношением к людям.

Исключительной научной честностью и принципиальностью в научных взглядах.

Глубокой заинтересованностью в развитии науки. Действительно, любую проблему, большую или малую, он решал со всей научной страстностью. [...]

Он был филологом в настоящем смысле этого слова... (ОЖЕГОВ 2001: 460).

Много лет тому назад мне посчастливилось побывать в квартире Г. О. Винокура на Арбате (я тогда готовил публикацию писем и консультировался у его зятя С. В. Киселева). Казалось, там осталось все, как и прежде, но особенно мне запомнились удивительные книги, многие из них на немецком и других европейских языках: на полках аккуратно стояли классические труды А. А. Шахматова и другие шедевры мировой филологической мысли (часто с автографами). Например, Л. В. Щерба сделал такую дарственную надпись на своей книге «Восточнолужицкое наречие» (Пг., 1915): «„Редкому“ читателю Григорию Осиповичу Винокуру от автора». Сейчас часть семейной коллекции хранится в Отделе редких книг библиотеки РГГУ (Фукс 2014). И по этому наследию тоже можно говорить об ученом высокой научной культуры. Так, в его собрании были «Грамматика» М. Смотрицкого XVII в., «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова XVIII в., «Словарь Академии Российской» с личным экслибрисом Александра II на форзаце, все полные собрания сочинений А. С. Пушкина XIX–XX вв. и труды, посвященные его творчеству, прижизненные издания поэтов и писателей Серебряного века: А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта, А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева...

Замечательны слова Г. О. Винокура, в которых он с трепетом говорил о своем жизненном предназначении: «Мой путь – к филологии... И отсюда я уже не сверну никогда, разве только с духовной смертью» (цит. по Гиндин–Иванова 1996: 66–67). В этом – весь Винокур, с его непоколебимыми нравственными и научными заповедями, весь его ученый облик ищущего мыслителя, уловившего живой дух Слова за мертвой буквой текста.

Литература

- АЛПАТОВ 2006 = АЛПАТОВ В. М. «Русский язык» Г. О. Винокура. В кн.: Винокур Г. О. *Русский язык. Исторический очерк*. Изд. 3-е. Москва, 2006. III–IX.
- БАРАНКОВА 1999 = БАРАНКОВА Г. С. К истории Московского лингвистического кружка. Материалы из Рукописного отдела Института русского языка. В кн.: *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность*. Москва, 1999. 359–382.
- БАРХУДАРОВ 1959 = БАРХУДАРОВ С. Г.: Г. О. Винокур. В кн.: Винокур Г. О. *Избранные работы по русскому языку*. Москва, 1959. 3–8.

- Булахов 1977 = Булахов М. Г. Винокур Григорий Осипович. В кн.: *Восточнославянские языковеды*. Т. 2. Минск, 1977. 122–129.
- Виноградов 1956–1961 = Виноградов В. В. и др. (ред.) *Словарь языка Пушкина*. Т. 1–4. Москва: «Институт языкознания АН СССР», 1956–1961.
- Винокур 1921a = Винокур Г. О. [рец. на:] Mazon A. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)*. Paris, 1920. *Новый путь*, 8 мая 1921 г. 4.
- Винокур 1921b = Винокур Г. О. [рец. на:] Котляревский Н. Девятнадцатый век. Отражение его основных мыслей и настроений в словесном художественном творчестве на Западе. Петербург, 1921. *Новый путь*, 22 июня 1921 г. 4.
- Винокур 1923a = Винокур Г. О. [рец. на:] Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. Москва–Петроград, 1923. *Лef*. № 3. Москва, 1923. 165–167.
- Винокур 1923b = Винокур Г. О. [рец. на:] Якобсон Р., Богатырев П. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923. *Лef*. № 3. Москва, 1923. 173.
- Винокур 1923c = Винокур Г. О. [рец. на:] Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923. *Печать и революция*. Кн. 5. Москва, 1923. 274–276.
- Винокур 1925 = Винокур Г. *Культура языка. Очерки лингвистической технологии*. Москва, 1925.
- Винокур 1927 = Винокур Г. *Критика поэтического текста*. Москва, 1927.
- Винокур 1957 = Винокур Г. О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике. *Вопросы языкознания* 1957/2: 59–70.
- Винокур 1959 = Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк. В кн.: Винокур Г. О. *Избранные работы по русскому языку*. Москва, 1959. 11–161.
- Винокур 1981 = Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. Вып. 1. В кн.: *Проблемы структурной лингвистики 1978*. Москва, 1981. 5–58.
- Винокур 1988 = Винокур Г. О. О возможности всеобщей грамматики. *Вопросы языкознания* 1988/4: 70–90.
- Винокур 1990 = Винокур Г. О. *Филологические исследования. Лингвистика и поэтика*. Москва, 1990.
- Винокур 1999a = Винокур Г. О. Язык «Бориса Годунова». В кн.: Винокур Г. О. *Полное собрание трудов*. Т. 3. *Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина*. Москва, 1999. 350–387.
- Винокур 1999b = Винокур Г. О. Из воспоминаний моей юности [1940]. В кн.: *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность*. Москва, 1999. 460–467.
- Винокур–Цейтлин 1981 = Винокур Т. Г., Цейтлин Р. М. От публикаторов. В кн.: *Проблемы структурной лингвистики 1978*. Москва, 1981. 3–4.
- Гиндин 1996 = Гиндин С. И. Друзья в жизни – оппоненты в науке. *Новое литературное обозрение* 21 (1996): 59–71.
- Гиндин–Иванова 1996 = Гиндин С. И., Иванова Е. А. (подг.) Эпизод эпистолярной полемики Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона (к 100-летию Г. О. Винокура). *Известия РАН. Серия литературы и языка* 1996/6: 60–74.
- Григорьев 1991 = Григорьев В. П. Предисловие. В кн.: Винокур Г. О. *О языке художественной литературы*. Москва, 1991. 5–17.
- Иванов 1988 = Иванов Вяч. Вс. Предисловие. Винокур Г. О. О возможности всеобщей грамматики. *Вопросы языкознания* 1988/4: 70.
- Казимирский–Аптекарь 1935 = Казимирский К., Аптекарь М. «Игруны». *Литературная газета*, 20 октября 1935 г. 4.

- Крысин 2006 = Крысин Л. П. О книге «Культура языка» и ее авторе. В кн.: Винокур Г. О. *Культура языка*. Изд. 3-е, доп. Москва, 2006. 3–5.
- Никитин 1997a = Никитин О. В. Ad memorandum. Г. О. Винокур: «Как перед Богом говорю...». История одного письма. *Studia Russica* XVI. Budapest, 1997. 3–35.
- Никитин 1997b = Никитин О. В. Из переписки В. В. Виноградова и Г. О. Винокура 1930–1940-х гг. *Studia Russica* XVI. Budapest, 1997. 36–52.
- Никитин 2006 = Никитин О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь». В кн.: Кюннап А., Лефельдт В., Кузнецов С. Н. (ред.) *Микроязыки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора А. Д. Дуличенко*. Tartu, 2006. 459–474.
- Никитин 2012 = Никитин О. В. *Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари)*. Славянск-на-Кубани, 2012.
- Никитин 2016 = Никитин О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря). *Русская речь* 2016/3: 51–62.
- Ожегов 2001 = Ожегов С. И. Памяти Г. О. Винокура. В кн.: *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. Москва, 2001. 458–463.
- Памяти 1992 = Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти). [Публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур.] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 1992/3: 63–81.
- Пушкин 1935 = Пушкин А. С. Борис Годунов. [Редакция текста и коммент. Г. О. Винокура.] В кн.: Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*. Т. 7. *Драматические произведения*. Москва–Ленинград, 1935. 385–505.
- Фукс 2014 = Фукс И. В. Коллекция Г. О. Винокура и Т. Г. Винокур в Отделе редких книг библиотеки Российского государственного гуманитарного университета. В кн.: *Румянцевские чтения – 2014. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Москва, 2014. 313–316.
- Цейтлин 1965 = Цейтлин Р. М. *Григорий Осипович Винокур (1896–1947)*. Москва, 1965.
- Цейтлин 1999 = Цейтлин Р. М. О Григории Осиповиче Винокуре – ученом и педагоге. В кн.: *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность*. Москва, 1999. 9–14.
- Шанский 2010 = Шанский Н. М. Григорий Осипович Винокур. В кн.: Винокур Г. О. *Избранные труды по языкознанию и культуре речи*. Москва, 2010. 3–7.
- Шмидт 1999 = Шмидт С. О.: Г. О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова». В кн.: Винокур Г. О. *Полное собрание трудов*. Т. 3. *Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина*. Москва, 1999. 6–35.
- Якобсон 1996 = Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок. [Подготовка текста, публикация, вступит. статья и примечания М. И. Шапира.] *Philologica* 3 (1996): 361–379.